

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(13)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2007

Ф. МИНЛОС

ПОВТОР ПРЕДЛОГОВ В НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

1. Постановка проблемы

В настоящей статье рассматривается характерное для древнерусского и старорусского языка появление двух или нескольких экземпляров одного и того же предлога в сложной именной (предложной) группе¹. Вот некоторые примеры, по которым можно составить самое общее представление об обсуждаемом явлении: *съ посадникомъ съ Нежатою* (Синод. НПЛ, 1164²), *по Оуѣ по рѣцѣ* (НЧЛ, «этногеографический» пролог «Повести временных лет»), *съ своею братьею съ князи* (Комис. НПЛ, 1346), *от брата своего от великого князя Василья* (Комис. НПЛ, 1408), *по мосту по великому* (Синод. НПЛ, 1230), *с нихъ с живыхъ* (НЧЛ, 1042).

В настоящей статье повтор предлога рассматривается прежде всего на материале двух памятников новгородского происхождения: Новгородской первой летописи старшей (Синодальный список, далее Синод. НПЛ) и

¹ Автор очень благодарен коллегам, замечания и вопросы которых существенно продвигали это исследование на разных этапах: это П. М. Аркадьев, И. Б. Иткин, А. С. Касьян, С. В. Князев, А. И. Рыко и анонимный рецензент журнала «Русский язык в научном освещении». Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта») и при поддержке гранта РГНФ № 05-04-04-051а. Примеры из современного русского языка найдены в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru).

² После сокращенного названия списка летописи следует либо год, к которому приурочена запись (условная дата по современному летоисчислению, полученная вычитанием 5508 лет из года, указанного в летописи), либо, если такой приуроченности нет, обозначение раздела летописи. Запись «Комис. НПЛ = Синод. НПЛ» означает, что пример цитируется по Комиссионному списку, а в Синодальном списке в соответствующем месте такая же конструкция с точностью до фонетики, орфографии или несущественных морфологических вариантов. Примеры приводятся в той орфографии, в которой они даны в публикациях.

младшей (по Комиссионному списку³, далее Комис. НПЛ) редакции. Для сравнения систематически привлекается Новгородская четвертая летопись (по Строевскому списку, далее НЧЛ). Интересующее нас явление в НЧЛ исследовалось в дипломной работе [Агапов 1994]; некоторые примеры повтора предлогов в НПЛ даются в работе [Истрина 1923]. Для интерпретации полученных данных мы привлекаем материал некоторых других памятников, в частности, материал, описанный в предшествующих работах. Кроме указанных летописей, древнерусский повтор предлогов исследовался, в частности, на материале следующих источников: новгородских берестяных и пергаменных грамот [Борковский 1963: 296—298; Зализняк 1987: 153—154; 2004: 164—166], московских княжеских грамот (статья Д. Ворта 1982 г., ссылки на [Ворт 2006]) и Лавреньеvской летописи [Klenin 1989].

В указанных работах сформулированы основные структурные параметры, от которых зависит повтор предлога в древнерусском. Локальные вариации и исторические изменения системы повтора предлога еще недостаточно изучены. Хорошо известна связь повтора предлога с языковым регистром: повтор предлогов относительно регулярно встречается только в обиходном или деловом языке, значительно меньше представлен в летописях и почти не представлен в церковнокнижном языке (см. [Зализняк 2004: 166], где говорится о новгородских памятниках).

Обе редакции НПЛ созданы в Новгороде в XII—XV вв. (подробнее см. в разделе 3). Изучение новгородских летописей дает возможность сопоставить полученные результаты с данными бытовой письменности (берестяных грамот) того же времени и того же региона. Лингвистические данные Синод. НПЛ неоднократно привлекались для сравнения с языком берестяных грамот, причем в определенных отношениях эти идиомы демонстрировали нетривиальное сходство (см. [Зализняк 2004; Иткин, Коган 2006]). Новгородские известия, объединенные с большим количеством общерусских, вошли в летописный свод XV в., отраженный в НЧЛ и Софийской первой летописи. Точная датировка этого свода для нашей работы серьезного значения не имеет; существенно, что новгородские тексты были в нем в значительной степени отредактированы и что создан был этот свод не в Новгороде (как полагал А. А. Шахматов), а в Москве [Лурье 1976: 104—107; Клосс 2000]. Сравнение НПЛ с НЧЛ (особенно сравнение совпадающего текста) позволяет указать на тенденции в эволюции языковых установок в русском летописании.

Кроме структурных факторов, в достаточной степени известных из предшествующих исследований, в настоящей работе рассматривается зависимость повтора предлога от конкретных лексем или семантических групп

³ Здесь «по такому-то списку» означает, что летопись используется и цитируется по указанному списку; данные других списков (только для записей, имеющих в основном списке) в некоторых случаях используются для сравнения, но не учитываются в подсчетах.

лексем, входящих в конструкцию. Всем случаям такой зависимости можно дать социолингвистическое объяснение. Систематические различия обнаруживаются как между разными летописями и их списками, так и между разными частями летописей. Найденным различиям невозможно дать сколько-нибудь полную интерпретацию, исходя только из данных самих летописей, т. к. мы не знаем, какие факты отражают языковые установки писцов, а какие — изменения в устных формах языка. В этом отношении мы видим свою задачу в том, чтобы предоставить материал летописей в виде, пригодном для сопоставления с другими данными.

Изучение древнерусского синтаксиса в значительной мере оторвано от развития современных синтаксических теорий. В заключение статьи мы обсуждаем возможные теоретические объяснения основных, хорошо известных фактов, связанных с повтором предлога в древнерусском языке.

2. Описание материала

2.0. Общие замечания. Для базового определения структурных контекстов повтора предлога можно ввести понятие *согласованные элементы именной группы*. Такими элементами могут быть два или более слов субстантивного грамматического класса (= субстантивов) или сочетание субстантива со словами атрибутивного грамматического класса (= атрибутов)⁴. В первом приближении можно сказать, что предлог может встречаться перед каждым согласованным элементом именной группы. Кроме того, иногда предлог повторяется в конструкции с зависимым субстантивом в родительном падеже.

В данной работе не рассматривается повтор предлога при сочиненных именных группах (например, *съ смолняны и с полочаны*, Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1167). Следует отметить, что в тех же некнижных регистрах (например, в новгородских берестяных грамотах), в которых регулярно встречался повтор предлога в сложных именных группах, повтор предлога при сочинении был почти обязательным. Возможно, между этими явлениями существует некоторая связь (например, в [Yadroff 1999: 121] согласованные сочетания субстантивов предлагается рассматривать как бессоюзное сочинение; см. также [Klenin 1989: 202]). Не отрицая возможности сопос-

⁴ Мы не используем принятые в описаниях древнерусского языка понятия «согласованное определение» и «приложение». Термин «согласованное определение» (для атрибутов) не очень удачен в качестве противопоставления «приложению», так как «приложение» также в абсолютном большинстве случаев согласуется по падежу и числу. При описании сочетаний субстантивов выделение вершинного элемента (и, соответственно, определение того, какое слово является приложением) не является для нас очевидной задачей (особенно для сочетаний двух имен нарицательных, см. [Борковский, Кузнецов 1963: 414—415]).

тавления этих случаев повтора предлогов на уровне интерпретации, мы считаем, что при описании следует рассматривать их отдельно: структурные параметры, которые выделяются для именных групп, совершенно неприменимы к сочиненным группам.

Реальная именная группа может содержать сразу несколько контекстов, в которых возможен повтор предлога. Все эти контексты рассматриваются независимо. В качестве основы нашей классификации выступают такие параметры: сочетание двух субстантивов / сочетание субстантива и атрибутивов, контактное / неконтактное сочетание. Неконтактными считаются такие конструкции, которые разорваны элементами, не входящими в данную именную группу. Рассматриваются только согласованные сочетания. Повтор предлога перед зависимым существительным в родительном падеже, например *в твоей братьи в вотчинах* [Ворт 2006: 222], в НПЛ не представлен; в [Агапов 1994] отмечается несколько примеров такого повтора в НЧЛ. Принята следующая последовательность описания контекстов: контактные сочетания субстантивов (2.1), контактные сочетания субстантива с атрибутами (2.2), неконтактные сочетания (2.3).

В НПЛ есть один пример повтора предлога в сочетании двух местоимений, которые употребляются и как атрибуты при субстантивах, и независимо: *над то надо все* (Комис. НПЛ, 1412). Ввиду обособленности этого примера и неочевидности его грамматической трактовки мы упоминаем его вне классификации (аналогично в [Зализняк 2004: 166]).

2.1. Контактные сочетания субстантивов. Для целей нашего описания следует выделить три основных типа субстантивов: личные местоимения, имена нарицательные и индивидуальные имена собственные. В отличие от Э. Кленин, которая относит к именам собственным, в частности, этнонимы (например, *половцы* [Klenin 1989: 196]), мы ограничиваем группу имен собственных индивидуальными именами: топонимами, личными именами, субстантивными прозвищами и отчествами на *-ич*.

Среди гипотетически возможных комбинаций двух субстантивов для нашего материала важны такие типы:

1. личное имя + отчество на *-ич* (например, *Святославъ Олговиць*; следуют всегда в этом порядке);

2. имя нарицательное + личное имя (например, *князь Святославъ*) или топоним (*рѣка Ока*; существует два варианта линейного порядка: *рѣка Ока ~ Ока рѣка*);

3. имя нарицательное + имя нарицательное (*съ своими мужи съ сюздальци*, Комис. НПЛ, 1301).

За рамками этой классификации остаются сочетания с субстантивными прозвищами, т. к. они почти не представлены в нашем материале. Имена нарицательные могут быть распространены атрибутами или другими зависимыми. В сочетании личного имени с отчеством вершиной мы считаем личное имя; таким образом, в конструкции *князь Святославъ Олговиць* мы

выделяем два сочетания: *Святославъ Олговиць* (тип 1) и князь *Святославъ* (тип 2). Воздерживаясь от выделения вершины в сочетаниях имен собственных с именами нарицательными, такие сочетания в типе 3 мы рассматриваем наравне с одиночными именами нарицательными (например, *съ братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ*, Комис. НПЛ, 1380).

В конструкциях с нераспространенным отчеством (тип 1) в Новгородской первой летописи предлог повторяется примерно в 30% случаев (всего 71 пример, из них 21 с повтором хотя бы в одной из двух редакций и 50 без повтора). При этом в записях разного времени заметно разное соотношение форм с повтором предлога и без него, см. таблицу 1.

Таблица 1

	Примеры с повтором	Примеры без повтора	Процент примеров с повтором
XII в.	7	3	70%
XIII в.	10	20	33%
XIV в.	4	18	18%
XV в.	1	9	10%

Данные, приведенные в таблице, можно обобщить следующим образом: с течением времени в погодных записях НПЛ повтор предлога перед отчеством встречается все реже. Различия можно наблюдать не только между записями разного времени, но и между разными редакциями. Между редакциями НПЛ есть расхождения, которым затруднительно дать однозначную интерпретацию. С одной стороны, в двух сочетаниях с отчествами в Синод. НПЛ предлог перед отчеством повторяется, а в Комис. НПЛ — нет:

(1) *о князи Романѣ о Мьстиславици о Изяслави вьнуце* (Синод. НПЛ, 1169) ~ *о князи Романѣ Мьстиславици о Изяслави внуць* (Комис. НПЛ);

(2) *от Ивана от Ярышевиця* (Синод. НПЛ, 1217) ~ *от Иоанна Ярышевица* (Комис. НПЛ).

Другие два примера демонстрируют обратное соотношение редакций:

(3) *съ княземъ Ярославомъ с Володимирицемъ* (Комис. НПЛ, 1233) ~ *съ княземъ Ярославомъ Володимирицемъ* (Синод. НПЛ = НЧЛ);

(4) *съ княземъ своимъ съ Дмитриемъ съ Александровицемъ* (Комис. НПЛ, 1261) ~ *съ княземъ Дмитриемъ Александровичемъ* (Синод. НПЛ).

В НЧЛ предлог повторяется в этих конструкциях уже очень редко, он плохо сохранился даже в записях, относящихся к XII—XIII вв. Наиболее показательны примеры явных расхождений в общем тексте:

(5) *по Святослава по Олговица* (Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1139) ~ *по Святослава Олговича* (НЧЛ);

(6) *въсташа на князя Мъстислава на Юрьевича* (Комис. НПЛ = Синод. НПЛ. 1157) ~ *на князя Мъстислава Юрьевича* (НЧЛ);

(7) *по Ярослава по Всеволодица по Юрьевъ внукъ* (Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1215), *по князя Ярослава по Всеволодича* (Архив. НЧЛ) ~ *по князя Ярослава Всевълодича* (Строев. НЧЛ).

Особенно широко представлен тип 2, сочетание личного имени или топонима с именем нарицательным (с личным именем обычно сочетаются слова *князь*, *посадникъ*, *митрополитъ*, *воевода*, *братъ* и т. п., с топонимом — *рѣка*, *градъ*, *городъ* и некоторые другие). Для сочетаний с личным именем существенна распространенность группы имени нарицательного — в нераспространенных конструкциях предлог обычно не повторяется (например, *съ княземъ Ярославомъ*, Комис. НПЛ = Синод. НПЛ = НЧЛ, 1193), тогда как в распространенных конструкциях повтор представлен достаточно широко (*по брата его по Мъстислава*, Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1179). Для сочетаний с топонимами (чаще всего в них выступает нераспространенное имя) повтор предлога также довольно обычен (*над рѣкою над Калкомъ*, Комис. НПЛ = Синод. НПЛ = НЧЛ, 1224).

В новгородских летописях представлено около 140 примеров сочетаний вида: нераспространенное имя собственное + личное имя, из них всего в 14 (т. е. в 10%) хотя бы в одной из двух редакций есть повтор предлога. Распределение примеров по времени погодных записей описано (с точностью до века) в таблице 2.

Таблица 2

	Примеров с повтором	Примеров без повтора	Процент примеров с повтором
XII в.	0	6	0%
XIII в.	6	34	15%
XIII в.	3	53	5%
XIV в.	3	46	6%

Таким образом, перед личным именем после нераспространенного имени нарицательного предлог с наибольшей регулярностью повторялся в записях XII в. В трех случаях повтор предлога есть в старшей редакции НПЛ, но отсутствует в параллельном месте младшей редакции: *съ посадникомъ съ Нежатою* (Синод. НПЛ, 1164) ~ *с посадникомъ своимъ Нъжатою* (Комис. НПЛ), *о посадницѣ о Якунѣ* (Синод. НПЛ, 1169) ~ *о посадници Якунѣ* (Комис. НПЛ), *съ зятѣмъ съ Глѣбомъ* (Синод. НПЛ, 1176) ~ *съ зятѣмъ своимъ Глѣбомъ* (Комис. НПЛ; отметим, что в этом примере имя нарицательное распространено). Примеров с обратным порядком элементов (т. е. личное имя + имя нарицательное) значительно меньше: 13 примеров без повтора предлога и 2 примера с повтором предлога, причем один из

них демонстрирует то же соотношение редакций: *по Гюргя по князя* (1141, Синод. НПЛ) ~ *по Юргя князя* (Комис. НПЛ), другой пример — *на Патракиа на князя* (1384, Комис. НПЛ).

Если группа имени нарицательного распространена атрибутами, предлог перед личным именем повторяется значительно чаще. С базовым порядком слов (с именем нарицательным в начале) на 44 примера без повтора приходится 21 пример с повтором (хотя бы в одном списке), что составляет 32%. Повтор в этом контексте характерен для Синодального списка в меньшей степени, чем для Комиссионного, ср. такие расхождения: *съ своимъ воеводою съ Гемябѣгомъ* (Комис. НПЛ, 1224) ~ *съ воеводою своимъ Гемябѣгомъ* (Синод. НПЛ), *съ княземъ своимъ съ Юрьемъ* (Комис. НПЛ, 1268) ~ *с княземъ своимъ Юрьемъ* (Синод. НПЛ = Акад. НПЛ = Толст. НПЛ = НЧЛ, 1266). В одном примере второй экземпляр предлога, согласно издателям, вставлен в текст Синод. НПЛ позднее: *на зять свои на Ярослава* (Комис. НПЛ = Синод. НПЛ = НЧЛ, 1216). В одном случае повтор предлога в НЧЛ соответствует отсутствию повтора в НПЛ: *с братомъ его с Прокотьейю* (НЧЛ, 1141) ~ *с братомъ его Прокотьейю* (Комис. НПЛ = Синод. НПЛ). Таким образом, с течением времени повтор после распространенного имени становился для авторов и редакторов летописей более обязательным. С обратным порядком слов соотношение примерно такое же, только примеров значительно меньше. Обнаружено 4 примера без повтора предлога и 3 — с повтором. Один из примеров демонстрирует уже известное нам расхождение редакций: *у Миндовга у литовьскаго князя* (Комис. НПЛ, 1265) ~ *у Миндовга князя литовьского* (Синод. НПЛ); другие два примера с повтором: *по Ярослава по Всеволодица по Юрьевъ внукъ* (Синод. НПЛ = Комис. НПЛ, 1215), *по Фому посла по Доброщицица по новоторьскии посадникъ* (Синод. НПЛ = Комис. НПЛ = НЧЛ, 1215)⁵.

По всей видимости, повтору предлога способствует ситуация, когда в конструкции представлено не одно личное имя, а их сочиненная цепочка, как в таком примере: *с воеводами съ Михаиломъ с Даниловичемъ, съ Юрьемъ съ Ивановичемъ, съ Яковомъ с Хотовымъ* (Комис. НПЛ, 1350). К сожалению, у нас недостаточно материала, чтобы судить об этом с уверенностью.

В сочетаниях с топонимами предлог повторяется значительно чаще, чем в сочетаниях с личными именами. Конструкции с разными лексемами (*рѣка, городъ, градъ, озеро, острогъ*) следует рассматривать по отдельности. В сочетаниях с лексемой *рѣка*, стоящей на первом месте, находим 8 примеров с повтором предлога и 12 примеров — без повтора. Этимологические дублиеты *городъ / градъ* ведут себя совершенно различно с точки зрения повтора предлогов (распределение самих этих лексем в тексте НПЛ

⁵ Последние два примера демонстрируют морфологическое рассогласование элементов именной группы: имя собственное стоит в специальной форме для одушевленных субстантивов, а имя нарицательное имеет стандартный показатель винительного падежа; см. о таком рассогласовании [Крысько 1994: 24—25].

изучено А. А. Гиппиусом [Гиппиус 2006: 175—176]). Рассмотрим материал Комис. НПЛ. После лексемы *градъ* предлог никогда не повторяется: *из града Корестеня* (945), *въ градъ Києвъ* (968), *въ градъ Роднѣ* (980), *около града Чернігова* (1068), *въ градъ Берне* (1204), *ко граду Антупату* (1240), *къ граду Пьскову* (1242), *во градъ Суздадь* (1445). После лексемы *городъ* предлог, напротив, чаще повторяется. Есть 5 примеров без повтора предлога: *под городомъ Воробинномъ* (1214), *в город Галиць* (1219), *к городу Ваню* (1311), *в городъ Людовли* (1339), *къ городу Смоленську* (1404) и 11 примеров с повтором предлога: *на город на Копорью* (1241), *къ городу к Выбору* (1350), *къ городу ко Пьскову* (1367), *до городка до Орѣшка* (1392), *къ городу к Орлецу* (1398), *с города с Києва* (1399), *до города до Києва* (1399), *у города у Выбора* (1411), *у города у Дѣмьяна* (1441), *под город под Яму* (1444), *в городъ въ Ямѣ* (1444). Возможно, отдельно стоит рассматривать случай, когда топоним состоит из двух слов: *к городу къ Медвѣжьи головь* (Комис. НПЛ, 1343). Другие анализируемые летописи подтверждают распределение, представленное на материале Комис. НПЛ. Отметим, что другие списки младшей редакции НПЛ дают еще один случай повтора предлога после лексемы *городъ* там, где в Комис. НПЛ предлог не повторяется: *в городъ в Людовли* (Акад. НПЛ = Толст. НПЛ, 1399). В НЧЛ отмечается еще 2 примера повтора предлога после лексемы *городъ* (*в городъ в Галичь*, 1219; *к городу къ Колодяжню*, 1240); один пример без повтора после этой лексемы (*оу города Вероучаго*, 977) и полдюжины примеров с лексемой *градъ* без повтора (исключение — *в градъ въ Володимери* в Новоросийском списке НЧЛ в записи за 1177 г., при *въ градъ Володимерѣ* в Строевском списке). После слова *озеро* есть 2 примера с повтором предлога и 2 примера без повтора предлога; в единственном примере с лексемой *острогъ* предлог повторяется (*на острогъ на Васильевѣ*, Комис. НПЛ, 1445). Рассмотренный материал можно обобщить следующим образом: после лексемы *городъ* 69% примеров демонстрируют повтор предлога, после лексемы *рѣка* предлог повторяется в 40% случаев, после лексемы *градъ* предлог почти никогда не повторяется. Представлены следующие расхождения текстов: *на озѣре на Касѣпле* (Синод. НПЛ, 1198) ~ *на озерьѣ Касоплѣ* (Комис. НПЛ), *на рѣку на Оку* (Синод. НПЛ = Комис. НПЛ, 1209) ~ *на рѣку Оку* (НЧЛ), *в городъ в Галичь* (НЧЛ) ~ *в город Галиць* (Синод. НПЛ = Комис. НПЛ, 1219), *к городу къ Медвѣжьи головь* (Комис. НПЛ, 1343) ~ *к городу Медвѣжьи Головь* (НЧЛ). После распространенного имени нарицательного распределение немногочисленных примеров совершенно идеальное: после слова *городокъ* предлог всегда повторяется (*из нѣмечкого городка из Выбора*, Комис. НПЛ, 1338, и еще 2 примера), после слова *градъ* предлог не повторяется (единственный пример: *въ свои град Києвъ*, Комис. НПЛ, 946). При постпозиции имени нарицательного материал выглядит так: с лексемой *рѣка* 4 примера с повтором предлога и 3 — без повтора, с лексемой *городокъ* 2 примера с повтором предлога, с лексемами *градъ* и *городъ* по одному примеру без повтора.

Наконец, в конструкциях типа 3 (две группы с именем нарицательным) предлог в НПЛ в большинстве случаев повторяется, например: *о князи Романѣ о Мьстиславици о Изяслави вънуце* (Синод. НПЛ, 1169), *с дѣтми его с новгородци* (Комис. НПЛ, 1333), *от брата своего от великого князя Василья* (Комис. НПЛ, 1408). На 19 примеров с повтором предлога приходится 6 примеров без повтора, в частности: *съ княземъ своим каганомъ* (Комис. НПЛ = НЧЛ, 965), *съ своею братьею съ князи* (Комис. НПЛ, 1345), *на братью свою поганую Литву* (Комис. НПЛ, 1266).

2.2. Контактные сочетания субстантива с атрибутами. Повтор предлога перед постпозитивным атрибутом более характерен для Комиссионного, чем для Синодального списка. В четырех случаях конструкция с повтором предлога в Комис. НПЛ соответствует конструкции без повтора предлога в Синод. НПЛ: *къ Юрью к Володимирьскому* (Комис. НПЛ, 1238) ~ *къ Юрью Володимирьскому* (Синод. НПЛ); *на волость на Новгородскую* (Комис. НПЛ, 1240) ~ *на волость Новгородскую* (Синод. НПЛ), *на Всеволода на Чермьнаго* (Комис. НПЛ, 1214) ~ *на Всѣволода Чьрмьнаго* (Синод. НПЛ). С другой стороны, в Синод. НПЛ есть три примера с повтором предлога между именем нарицательным и постпозитивным атрибутом, таким конструкциям в Комис. НПЛ соответствуют конструкции с иным расположением атрибутов (т. е. ни один из этих случаев нельзя классифицировать как пример расхождения редакций собственно в повторе предлогов). Все три примера содержатся в записи за 1230 г.: *на грамотахъ на всѣхъ Ярославихъ* (Синод. НПЛ, 1230) ~ *на всѣхъ грамотахъ Ярославихъ* (Комис. НПЛ), *по улицамъ и по търгу и по мосту по великому* (Синод. НПЛ, 1230) ~ *по улицамъ и по торгу и по великому мосту* (Комис. НПЛ), *не въ нашей земли въ одной* (Синод. НПЛ, 1230) ~ *се же горе бысть не в нашей одной области* (Комис. НПЛ). Один пример, находящийся в обеих редакциях, содержит повтор предлога после личного имени: *с Володимиром со Плесковьскимъ* (Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1216). Остальные примеры повтора предлога при постпозитивном атрибуте есть только в младшей редакции (Комис. НПЛ): *къ Ярославу къ Переяславьскому* (1225), *с воеводами съ княжими* (1292), *с Борисовым сыномъ с намѣстницимъ* (1350), *въ Юрьевъ в Нѣмечкои* (1363), *по владычню благословению по Алексѣеву* (1365), *к новому городку к нѣмечьскому* (1370), *за обиду за новгородскую* (1372), *из иных городовъ из многих* (1391), *отъ своихъ мужи от волных* (1397), *по владычню благословению по Иванову* (1398), *въ ихъ земли въ Прускои* (1410), *с Михаилоу съ Росхоинымъ* (1417), *изъ князя великого отцины изъ тѣрьскогого* (1444). Отметим, что ряд примеров имеют тождественную структуру, в которой постпозитивный атрибут семантически связан с препозитивным атрибутом или именем: *с Борисовым сыномъ с намѣстницимъ* 'с сыном Бориса наместника', *изъ князя великого отцины изъ тѣрьскогого* 'из вотчины великого князя тверского', *по владычню благословению по Алексѣеву* 'по благословению владыки Алексея', *по владычню благословению по Иванову*

‘по благословению владыки Ивана’. Как мы видим, формула *по владычню благословению по ...-ову*, связанная с церковной сферой, для постпозитивных атрибутов не исключает повтора предлогов (ср. сходное наблюдение Э. Кленин). Итак, в Синод. НПЛ есть 4 случая повтора предлога при постпозитивном прилагательном, а в Комис. НПЛ — 16 таких примеров. По нашим предварительным подсчетам, для обеих редакций это составляет около 7%.

Жанровая специфика летописей практически исключает использование личных местоимений первого и второго лица; единственный пример с местоимением и постпозитивным атрибутом находим в НЧЛ, и он содержит повтор предлога: *с нихъ с живыхъ* (1042). В НПЛ и НЧЛ есть лишь пара примеров повтора предлога между двумя препозитивными атрибутами: *въ Христовѣ въ церкви* (Комис. НПЛ, 1299), *в сильную в Соудальскую землю* (НЧЛ, 1216), *в Новгородскии въ Бъжицкии Верхъ* (НЧЛ, 1442)⁶ и 4 примера повтора предлога между препозитивным атрибутом и существительным — после квантора (*по всимъ по суставамъ*, 1417) и после притяжательного атрибута (*на отьнѣ на столѣ* 1210; *в кановѣ въ рдѣ* 1247; *въ свою въ епископью* 1476).

2.3. Неконтактные сочетания. Наиболее общая закономерность повтора предлога, сформулированная А. А. Зализняком, состоит в том, что «в случае разрыва именной группы не входящими в нее словами предлог обязательно повторяется, например: *у Гюргя възьми у Съмъкниница* (№ 710)» [Зализняк 2004: 164]. Вот некоторые примеры повтора предлога при таком разрыве: *тогда же родися у князя сынъ у Ярослава* (Синод. НПЛ, 1191), *съ княземъ есмь с московськымъ миру не взялъ* (Комис. НПЛ, 1444). В НПЛ мы обнаружили 8 примеров с повтором предлога в неконтактных сочетаниях⁷ и один пример неконтактного сочетания, в котором нет повтора предлога (отсутствие предлога в этом примере может объясняться фонетически, как упрощение геминации $k + k > k$):

(8) *поиха владыка Иоанн к митрополиту на Москву Киприяну* (Комис. НПЛ, 1401).

⁶ Такой повтор очень характерен для старорусской деловой письменности (*во всей в моей отчине* [Ворт 2006: 220], псков. *с тою с вашею грамотою* [Зализняк 2004: 692]). Следует отметить, что новгородские летописи создают сравнительно мало контекстов для такого повтора, т. к. два атрибута при одном имени располагаются обычно в НПЛ по разным сторонам от него, т. е. используется конструкция вроде *на всѣх грамотах Ярославих*. По подсчетам Р. А. Евстифеевой (устное сообщение), в Комис. НПЛ есть 26 примеров с порядком атрибут — субстантив — атрибут (АСА), 5 примеров с порядком САА и 9 примеров с порядком ААС.

⁷ Мы не усматриваем разрыва именной группы в примерах с *рекше* ‘то есть’, которые относят к этому типу Э. Кленин (например, *въ храмъ рекше в ропати*, Лаврент. 987, см. [Klenin 1989: 191]).

В НЧЛ есть 6 надежных примеров повтора предлога в неконтактных сочетаниях [Агапов 1994: 50—51] и 4 примера неконтактных сочетаний без повтора предлога:

(9) *къ вамъ отъ Олгови Александру и Костянтину великимъ о Бозѣ самодержьцемъ царемъ Греческимъ* (НЧЛ, 912);

(10) *при цари бывшаго Романѣ и Костантинѣ и Стефане* (НЧЛ, 945);

(11) *в малѣ придетъ дружинѣ* (НЧЛ, 1069);

(12) *не хоташе въ воли быти князи Андрѣви* (НЧЛ, 1174).

Примеры (9) и (10) содержатся в официальных речах русских послов перед византийскими императорами. Относительно примеров (11) и (12) следует отметить, что повтор предлогов в неразорванных сочетаниях такого вида не очень вероятен (см. 2.2); возможно, это уменьшает вероятность и повтора при разрыве. В любом случае правило, требующее повтора предлога при разрыве именной группы, по крайней мере, для некоторых древнерусских текстов не было автоматическим. В связи с этим следует отметить, что в берестяной грамоте № 630 середины XII в. есть — по крайней мере, на первый взгляд — исключение из этого правила: *оу жирока поло гривнь оньковиця* [Зализняк 2004: 295]. В комментарии к грамоте утверждается, что налицо описка: *Оньковиця* вместо *оу Оньковиця*. Эта интерпретация остается наиболее вероятной, однако следует считаться и с возможностью морфосинтаксического отклонения.

3. Интерпретация материала

3.1. Неоднородность рассмотренного материала. В отношении повтора предлога проанализированные летописи оказываются неоднородными. Выделяются некоторые относительно последовательные изменения, которые фиксируются на протяжении текста НПЛ. Кроме того, систематически различаются и летописные редакции: младшая редакция НПЛ иногда характеризуется теми же чертами, что и более поздние записи, а в НЧЛ эти черты выражены еще ярче. Повтор предлога между нераспространенным именем нарицательным и личным именем, а также между личным именем и отчеством становится с течением времени более редким; повтор предлога между распространенным именем нарицательным и личным именем, перед постпозитивным атрибутом и в конструкциях с топонимами — наоборот, более частым.

Увеличение частоты повтора предлога в конструкциях с топонимами в записях XIV—XV вв. в НЧЛ отмечен в работе [Агапов 1994]. При этом, по данным [Klenin 1989], в Лаврентьевской летописи повтор предлога в топонимических конструкциях представлен лишь небольшим количеством примеров. Этот факт следует объяснять архаичностью текста Лаврентьевской летописи и тем, что ее погодные записи заканчиваются рубежом XIII—XIV вв.

Экспансия повтора предлога в конструкциях с постпозитивным атрибутом, наблюдаемая в нашем материале, согласуется с данными Э. Кленин, полученными при обследовании Лаврентьевской летописи. Как предположила Э. Кленин, повтор предлога перед именем является более древним явлением, чем повтор перед атрибутом. Последний, по ее предположению, распространился лишь в XIII—XIV вв. Данные новгородских летописей, как кажется, подтверждают гипотезу об экспансии повтора предлога в этой конструкции.

Тот факт, что в сочетаниях с отчествами с течением времени наблюдается утрата второго предлога, получил прозрачную интерпретацию в [Klenin 1989: 202]: если в XI—XII вв. отчества являлись относительно независимыми субстантивами, то постепенно их независимость сошла на нет, они стали частью сложного имени собственного. Независимость отчеств в древнерусском языке можно продемонстрировать тем, что они модифицировались атрибутами (*съ княземъ Изяславомъ съ третьимъ Володимирицемъ*, Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1209) и выступали отдельно от личных имен, особенно во множественном числе (напр., *Ольговичи*).

К интерпретации изменений в языке летописей следует подходить, как уже отмечено выше, с большой осторожностью по следующим соображениям: эти изменения могут отражать изменения языковых установок писцов, а не изменения, происходившие в устных формах языка (или во всей совокупности форм языка). Например, следует отметить, что наши данные о древности повтора предлога перед постпозитивным атрибутом могут быть ненадежны. Если Э. Кленин ссылаясь на примеры из смоленских грамот конца XII в. как на самые древние точно датируемые примеры повтора предлога в таких конструкциях, то сейчас можно привести и более древний пример из недавно найденной новгородской берестяной грамоты: *къ рагоуилови ко старъшоум[о](у)* (№ 831, 2-я четв. — сер. XII в.) [Зализняк 2004: 166]. Еще более очевидно, что уменьшение частоты повтора предлога перед личным именем, отмеченное в летописях, не следует трактовать прямолинейно, как исчезновение такого повтора предлога из «живого» языка: количество таких примеров не уменьшается в новгородских берестяных грамотах, их много в новгородской деловой письменности еще и в XVII в. Отмирание повтора предлога перед отчествами должно быть подтверждено исследованием данных других регистров (прежде всего деловой письменности)⁸.

3.2. Лексические факторы. В нашем материале обнаружена зависимость повтора предлога перед именем собственным от лексического состава именной группы. Если при имени нарицательном нет атрибута, перед лич-

⁸ Отметим наблюдение А. А. Зализняка о том, что в государственных новгородских грамотах предлог нередко отсутствует перед отчествами на *-ичь* [Зализняк 1987: 154].

ным именем (*на сочькаго на Ставра*, Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1118) предлог повторяется очень редко (примерно в 10%), а перед топонимом (*в рѣцѣ во Тѣврци*, Комис. НПЛ = НЧЛ, 1372) — достаточно часто (22 случая из 47, т. е. 47%). С другой стороны, среди имен нарицательных, которые стоят перед топонимом, различаются лексемы *городъ* (2/3 примеров содержат повтор предлога), *рѣка* (повтор в 40% случаев) и лексема *градъ* (в основных рассматриваемых списках повтор предлога не встретился ни разу).

Всем этим случаям мы предлагаем единообразную социолингвистическую интерпретацию. Как известно, регулярность повтора предлога напрямую связана с языковым регистром текста. Согласно нашему предположению, повтор предлога коррелирует также с социолингвистической характеристикой самой именной группы — в более официальных сочетаниях предлог обычно не повторяется, а в более бытовых — повторяется. Для пары *городъ / градъ* достаточно ясно, что русская полногласная лексема *городъ* является менее официальной, чем церковнославянская *градъ*. Лексема *рѣка*, по всей видимости, никак не маркирована с точки зрения официальности / неофициальности, поэтому она демонстрирует промежуточные результаты. При этом не кажется очевидным, что именная группа с именем собственным должна принадлежать более официальному регистру, чем именная группа с топонимом. Такое распределение можно объяснить тем, что в летописях референтами именных групп вида имя нарицательное + имя собственное чаще всего являются представители высших социальных слоев. Самые частые имена нарицательные — *князь*, *посадник*, *брат*, *митрополит*, причем *брат* во многих случаях относится к одному из братьев-князей.

Социолингвистическое объяснение для выбора разных конструкций в зависимости от лексического наполнения конструкций позволяет сопоставить описанное распределение с некоторыми другими случаями. В диссертации О. А. Абраменко [Абраменко 2000: 69—72] для сходного морфологического явления предложен удачный, как кажется, термин «официальные слова» (в данной работе они противопоставлены «обычным словам»). Эта классификация лексем вводится для объяснения морфологических вариантов в *gen.*, *dat.* и *loc. sg.* у слов I субстантивного типа склонения в некоторых северо-западных диалектах русского языка. «Официальные слова» связаны со сферами, которые находятся вне традиционного «малого мира» деревенской жизни (*тюрьма*, *война*, *почта*, *школа*, *зарплата*, *Москва*). «Официальные слова» либо присоединяют морфологические показатели, тождественные показателям стандартного литературного языка, либо демонстрируют обобщение окончания *-ы* на все три падежа. При этом по крайней мере у некоторых классов «обычных слов» представлена парадигма, не совпадающая с литературной: *gen. -е*, *dat.-loc. -ы*. Другой пример такого рода отмечен в английском языке детей штата Новая Англия: причастный суффикс имеет вид *[-ing]* у слов, которые они знают прежде всего из разговоров с родителями (*visiting*, *correcting*, *reading*) и *[-in]* у тех слов, ко-

торые активно используются в общении сверстников (*swimin, chewin, hittin*), см. [Эрвин-Трипп 1975: 348]. Кажется вероятным, что механизм использования разных окончаний или разных вариантов синтаксической конструкции не обязательно связан с «переключением регистров» в тексте. По крайней мере, возможно, что в некоторых случаях речь идет об использовании готовых форм или конструкций, которые берутся целиком из разных контекстов.

Отсутствие повтора предлога в конструкции с «официальными словами» можно проиллюстрировать также на сочетаниях нарицательных существительных с личными именами в старорусской деловой письменности. Повтор предлога в этих контекстах был почти обязательным. Однако по крайней мере после лексемы *князь* регулярно наблюдается отсутствие второго экземпляра предлога. Данное утверждение можно проиллюстрировать на примере собрания документов, связанных со служивыми землевладельцами [АСЗ]. Это грамоты XV—XVI вв., в основном в более поздних списках. Предлог перед личным именем в абсолютном большинстве случаев повторяется: *с Ивановым и своим сыном с Павликом (№ 2), з братом его с Федором (№ 2), от чашика и воеводы от Василья Ивановича Бутурлина (№ 35)*. Однако после слова *князь*, даже если исключить из рассмотрения официальную царскую формулу в начале грамоты, вроде *от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси (№ 18)*⁹, предлог повторяется лишь в небольшой доле случаев: в текстах № 1—190 на 18 примеров без повтора приходится 2 примера с повтором. Сходная картина наблюдается и в новгородских кабальных грамотах начала XVII в. [НКВ]. Вполне естественно, что синтаксическая конструкция *князь* + личное имя принадлежит официальному регистру, и в этой конструкции маловероятно явление, характеризующее прежде всего разговорный язык.

При всей естественности объяснения, предложенного для сочетаний со словом *князь*, следует упомянуть альтернативную возможность. Отмеченные факты можно объяснить структурной особенностью сочетаний со словом *князь*: особая слитность сочетаний с этим титулом обуславливала то, что этот субстантив терял свой морфосинтаксический статус полноценного согласованного элемента именной группы. Это проявлялось как в отмеченном отсутствии повтора предлога после него, так и в потере склонения. Д. Ворт пишет о сочетаниях типа *князь Иван*: «высокая степень лексикализации таких субстантивных сочетаний находит выражение в тенденции к тому, чтобы склонять только одно из них; ср. более позднее у *князь Григория* („Горе от ума“, IV, 5)»; сходные примеры из Д. И. Фонвизина и Н. М. Карамзина приводятся в [Буслаев 1959: 455]. Такие примеры есть и в старорусской письменности, в частности в уже упомянутых документах,

⁹ Ср. [Зализняк 2004: 164], где говорится, что общие правила повтора предлога не действуют на «начальных формулах в любых документах, исходящих от представителей власти».

связанных с земельными наделами служилых людей [АСЗ]: *пожаловал еси князь Ивана Федоровича Перемышльскаго Горшакова (№ 63), за князь Андреем да за князь Борисом (№ 72), на князь Иване (№ 146), перед князь Борисом (№ 146)*, а также в Псковской третьей летописи [ПТЛ]: *князь Ярославом (Строевский список, 1472), со князь Васильемъ (Архивский II список, 1471)*.

3.3. Устройство конструкций с повтором предлога. Некоторые отмеченные закономерности объясняются тем, что предлог с большей степенью обязательности повторяется в более расчлененных группах, т. е. таких группах, элементы которых обладают большей самостоятельностью. Д. Ворт, описывая контексты относительной обязательности повтора предлога, говорит о эквивалентных конструкциях (т. е. конструкциях, элементы которых обладают семантической равноправностью) — в частности, это конструкции, первый элемент которых является личным местоимением (*ко мне ко князю великому*), а также сочетания двух групп с именами нарицательными (*к своему брату старейшему к великому князю Васильевичу*). Исследователь апеллирует к практике издания древнерусских текстов, в которых второй элемент обсуждаемых конструкций (например, *съ братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ*, Комис. НПЛ, 1380) часто выделяется запятыми, т. е. интерпретируется как обособленный. Независимо от того, как оценивать попытки применить современную пунктуацию к древнерусским текстам, можно признать, что такие древнерусские конструкции похожи на обособленные обороты, известные и из современного русского языка, и кажутся более тривиальными, чем конструкции с повтором предлога после нераспространенных именных групп. Однако нам кажется, что было бы предпочтительнее найти относительно единообразную интерпретацию для всех случаев повтора предлога¹⁰.

Э. Кленин предлагает синтаксическое объяснение повтора предлога, в значительной степени основываясь на том факте, что предлог с наибольшей вероятностью повторяется, если первый субстантив является личным именем или личным местоимением (см. прежде всего описание новгородских грамот у А. А. Зализняка). Исследовательница опирается на распространенную точку зрения о том, что личное имя или личное местоимение в

¹⁰ В современном литературном русском языке есть факультативный повтор предлога в сочетании личного местоимения с квантором, возможный как при постпозиции, так и при препозиции квантора:

(13) *У нас у всех случился припадок отчаянного и бессмысленного страха* (Н. Я. Мандельштам, Воспоминания).

(14) *У всех у них голова ушла в плечи* (А. И. Солженицын, Один день Ивана Денисовича).

Сопоставление с этой конструкцией существенно потому, что в ней не наблюдается интонационного обособления.

отличие от нарицательного существительного само по себе образует полноценную именную группу (такие субстантивы плохо сочетаются с атрибутами, в некоторых языках — например, в английском и литературном немецком — они также не сочетаются с артиклем). Оказывается, что базовый случай («syntactic kernel») повтора предлога — это случай, когда внутри сложной именной группы выделяется еще по крайней мере одна вложенная именная группа. Видимо, такое же синтаксическое объяснение можно дать и для случаев, когда личному имени предшествует распространенная именная группа (например, *на зять его на Ондрѣа* (Комис. НПЛ = Синод. НПЛ, 1224). Следует отметить, что примерам с распространенной именной группой в общем случае невозможно дать семантическое объяснение. В некоторых случаях при распространении имени нарицательного его референция становится однозначной и конструкция, возможно, становится эквиполентной, однако во многих случаях, особенно у терминов родства, референция столь же однозначна и без модификаторов. Еще один случай синтаксического распространения конструкции — сочинение личных имен; в этом случае предлог, видимо, обычно повторяется (влияние этого фактора отмечено также Э. Кленин на материале Лаврентьевской летописи).

Регулярность повтора предлога при разрыве именной группы наталкивает на мысль о том, что функциональная необходимость в повторе предлога как дополнительного средства, обеспечивающего морфосинтаксическое единство именной группы, связана с тем, что для древнерусского предложения вполне нормальными были непроективность, разрыв многих именных групп [Зализняк 2004: 189—190]. Без повтора предлога увеличивалась бы неоднозначность некоторых предложений, особенно при разрыве именной группы¹¹.

При изложении материала мы стремились минимально эксплицировать синтаксическую структуру рассматриваемых конструкций, описывая непосредственно наблюдаемые факты в терминах грамматических классов и линейного порядка (сходным образом описывает контексты А. А. Зализняк). Как кажется, в нашем материале есть две конструкции, в которых определение синтаксической структуры является особенно спорным: согласо-

¹¹ В современном русском языке повтор предлога, сопоставимый с древнерусским, является обязательным исключительно в неконтактных конструкциях — при «плавающих определителях» [Testelefs 2001], как в совершенно нормативном примере (18):

(18) *На двух маленьких окошках помещались на каждом по горшку с геранями* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).

Следует, впрочем, учитывать, что описание этих конструкций как разорванных именных групп по крайней мере для современного русского языка кажется неудовлетворительным.

ванные сочетания субстантивов (*к новгородцем к послом*, Комис. НПЛ, 1437; в таких сочетаниях есть трудности с определением синтаксической вершины, этот случай мы оговорили и не будем к нему возвращаться) и повтор предлога при атрибутах (*из иных городовъ изо многих, в Новгородскии въ Бѣжицкѣи Верхъ, въ свою въ епископыю*). В последнем случае описание синтаксической структуры неразрывно связано не только с принятием содержательных решений о природе рассматриваемых конструкций, но и с выбором той или иной теории. Первая теоретическая дилемма состоит в том, вводим ли мы в структуру элементы, которые по определению не имеют поверхностного выражения. Если такие элементы не вводить, повтор предлога при атрибутах (в конструкциях вроде *ко князю к великому и во всей в моей отчине*) объясняется, видимо, тем, что аргументом предлога может быть атрибут (другая возможность, которую никто, насколько нам известно, не рассматривал, состоит в том, что все экземпляры предлога относятся к имени). Для описания повтора предлога при постпозитивном атрибуте (*ко князю к великому*) это решение дает однозначный результат. Для конструкций с препозитивными атрибутами (*во всей в моей отчине*) теоретически можно предложить два разбора: либо первый предлог относится к ИГ, а второй — к атрибуту *моей* (15), либо первый предлог относится к первому атрибуту, а второй — к оставшейся группе (16):

(15) (*во ((всей)(в моей) отчине)*);

(16) (*во всей*) (*в (моей отчине)*);

(17) *во ((всей) (моей) отчине)*.

Д. Ворт выбирает вариант (15). Такой выбор аргументируется тем, что решение (15) предсказывает невозможность сочетания *в моей в отчине*. Следует отметить, что этому решению (в рамках логики Д. Ворта) можно дать еще одно обоснование. В самом деле, структура (15) отличается от структуры без повтора предлога (17) лишь отсутствием второго экземпляра предлога, а структуре (16) (где первый атрибут каким-то образом оказывается за границами своей именной группы) нужно давать какое-то специальное объяснение.

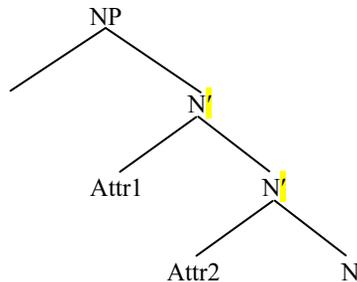
Решение Д. Ворта вполне естественно вписывается в его объяснение повтора предлога как разновидности согласования атрибута с субстантивом. При этом вводится дополнительное, но довольно естественное поверхностное ограничение, запрещающее два экземпляра предлога подряд (**в в всей отчине*; один из двух экземпляров предлога стирается).

Главная эмпирическая проблема этого решения связана с теми конструкциями, крайнюю редкость которых Д. Ворт хотел объяснить, — с повтором предлога непосредственно перед существительным. В материалах княжеских грамот, обследованных Д. Вортом, такой повтор возможен после атрибутов *тъ* и *съ* (например, *по тому же по разочту, в сей в грамоте* [Ворт 2006: 219]); подобные примеры вполне обычны для более поздней деловой письменности (*у всех у помещиков*, АСЗ, № 24; *в своем целе во уме*

и в разуме, АСЗ, № 158). Ясно, что предложенный исследователем формализм не просто предсказывает редкость или ограниченность таких конструкций, а вообще исключает их возможность.

Наиболее очевидная из сказанного выше теоретическая проблема решения Д. Ворта заключается в том, что к повтору предлога перед атрибутом оказывается неприменимо объяснение, предложенное Э. Кленин на материале Лаврентьевской летописи (предлог выделяет вложенную именную группу). Другая, более общая теоретическая проблема состоит в необходимости предполагать, что предлог может присоединяться к атрибутам.

Мы для объяснения повтора предлога будем использовать базовую версию X'-теории (ее доступное изложение можно найти в [Тестелец 2001: 559—583]). Ядром именной группы (NP) является имя (N). С каждым атрибутом связан промежуточный уровень («проекция») N'. Таким образом, в конструкции с несколькими препозитивными атрибутами каждый следующий атрибут модифицирует предыдущую проекцию N'; для простоты будем считать, что ближайший к имени препозитивный атрибут модифицирует непосредственно имя.

Работая в рамках X'-теории, Г. Чинкве выдвинул на материале романских языков гипотезу о том, что подобная структура, предсказывающая препозицию атрибутов, является универсальной для всех языков, а постпозиция атрибутов является результатом перемещения ядра именной группы из своей обычной позиции в некоторое более высокое положение в именной группе [Cinque 1994]. С течением времени разделились мнения относительно деталей этого перемещения, но в том или ином виде такое объяснение было применено к постпозитивным атрибутам и квантификаторам ряда других языков, в частности к аппроксимативной инверсии в русском языке (например, *часа на два*, см. [Yadroff, Billings 1998; Исакадзе 1998] и др.). В работе [Исакадзе 1998] был произведен краткий анализ древнерусских данных в рамках гипотезы о перемещении ядра. Однако сейчас не существует достаточно полной дескриптивной работы, посвященной расположению элементов именной группы в древнерусском языке; естественно, на этом этапе не может быть и доказательной формальной интерпретации этого явления.

Примем рабочую гипотезу о том, что постпозиция прилагательных в древнерусском языке является результатом перемещения имени. В этом случае постпозитивный атрибут модифицирует некоторую проекцию N' , вершиной которой является либо нулевой след, оставшийся от перемещения, либо один из экземпляров N , эллиптированный на поверхностном уровне (в зависимости от того, какие используются более общие теоретические допущения). Если описывать это явление как эллипсис, конструкция с постпозитивным атрибутом оказывается похожей на эллипсис N' , как в таких примерах (подчеркнута позиция, в которой опущено имя):

(19) *съ всеми князи низовьськими и с рязаньськими* — (Синод. НПЛ, 1232);

(20) *на всеи волѣ новгородчкои и на пьсковьскои* — (Комис. НПЛ. = Синод. НПЛ, 1253).

Естественно считать, что первообразные предлоги, маркирующие основные синтаксические отношения, отсутствуют как таковые в некотором синтаксическом представлении достаточной степени абстрактности. В рамках современного хомскианского синтаксиса это означает, что предлоги не следует рассматривать как спецификаторы отдельного функционального уровня, предложной группы. В этом случае такие предлоги можно рассматривать как поверхностную («морфологическую») реализацию падежа именной группы [Yadroff, Franks 2001]. Повтор предлога в этой модели представляет собой возможность поверхностной реализации падежа именной группы при промежуточных проекциях N' . Как кажется, такое предположение позволяет создать полную и непротиворечивую модель повтора предлога. В частности, редкий случай повтора предлога непосредственно перед именем (*в сей в грамоте*), который принципиально не укладывается в модель Д. Ворта, в нашей модели не исключается, но может быть ограничен дополнительными параметрами.

Создание полной формальной модели повтора предлога выходит за рамки данной статьи, т. к. должно быть основано не только на изучении самого этого явления в текстах разных жанров, разного времени и разной локализации, но и на целостном синтаксическом описании древнерусской именной группы, в частности, постпозитивных атрибутов, N' -эллипсиса и перемещений.

Источники

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1997.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.

НЧЛ — Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. М., 2000.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПТЛ — Псковская третья летопись. ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. М., 2000.

НКВ — The Novgorod kabala books of 1614—1616 / Ed. by H. Sundberg. Stockholm, 1982.

Л и т е р а т у р а

Абраменко 2000 — О. А. А б р а м е н к о. Новые данные по рефлексации индоевропейских окончаний *gen., dat. и loc. sg. a*-склонения (на материале западных и северо-западных русских говоров): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Агапов 1994 — А. В. А г а п о в. К вопросу о повторении предлога в русских летописях: Дипломная работа. Филол. фак. МГУ, каф. рус. яз. 1994.

Борковский 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.) // А. В. А р ц и х о в с к и й, В. И. Б о р к о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 167—332.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Буслаев 1959 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка. Л., 1959.

Ворт 2006 — Д. В о р т. Повторение предлога в древнерусском // Д. В о р т. Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 216—232. (рус. пер. с изд.: D. W o r t h. Preposition repetition in old Russian // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Essays in Honor of E. Stankiewicz. 1982. № 25/26. P. 495—507).

Гиппиус 2006 — А. А. Г и п п и у с. Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004—2005. М., 2006. С. 114—252.

Зализняк 1987 — А. А. З а л и з н я к. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Исакадзе 1998 — Н. В. И с а к а д з е. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 1998.

Истрина 1923 — Е. С. И с т р и н а. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923.

Иткин, Коган 2006 — И. Б. И т к и н, Ю. К. К о г а н. Окончание дательного падежа *-ови* в древненовгородском диалекте // Рус. яз. в науч. освещении. 2006. № 12. С. 204—212.

Клосс 2000 — Б. М. К л о с с. Второе предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. XI—XX.

Крысько 1994 — В. Б. К р ы с ь к о. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Лурье 1976 — Я. С. Л у р ь е. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Тестелец 2001 — Я. Г. Т е с т е л е ц. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Эрвин-Трипп 1975 — С. М. Э р в и н - Т р и п п. Язык. Тема. Слушатель: Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 336—362.

Cinque 1994 — G. Cinque. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP' // G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi, R. Zanuttini (eds). *Towards Universal Grammar: Studies in Honor of Richard Kayne*. Washington: Georgetown Univ. Press, 1994. P. 85—110.

Klenin 1989 — E. Klenin. On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian // *Russian Linguistics*. Vol. 13. 1989. №3. P. 185—206.

Testelefs 2001 — Y. Testelefs. Distributive Quantifier Float in Russian and Some Related Constructions // *Current Issues in Formal Slavic Linguistics* / Ed. G. Zybatow et al. Frankfurt am M. etc., 2001. P. 268—279.

Yadroff 1999 — M. Yadroff. *Formal Properties of Functional Categories: The Minimalist Syntax of Russian Nominal and Prepositional Expressions*: Ph. D. Dis. Bloomington: Indiana Univ., 1999.

Yadroff, Billings 1998 — M. Yadroff, L. Billings. The Syntax of Approximative Inversion in Russian (and the general architecture of nominal expressions) // *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997* / Ed. by O. Boškovič, S. Franks, W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 319—338.

Yadroff, Franks 2001 — M. Yadroff, S. Franks. The Origin of Prepositions // G. Zybatow et al. (eds) *Current Issues in Formal Slavic Linguistics*. Frankfurt am M. etc., 2001. P. 69—79.